

Ой, мамочки!

12+

Людмила Лаврова

Людмила Лаврова

Ой, мамочки!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67806972

SelfPub; 2022

Аннотация

Быть мамой... Сложно? Конечно! Страшно? Еще бы! Счастье? Без сомнения! Если ты настоящая мама. И неважно, как и откуда пришел твой ребенок. Если он твой.

Содержание

Ой, мамочки!	4
Леночка	37
Сбрось скорость перед поворотом	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Людмила Лаврова

Ой, мамочки!

Ой, мамочки!

– Позвольте?

Ирина подняла голову и увидела перед собой высокую, чуть полноватую женщину. Буйная копна кудрей, темно-карие глаза и мягкая улыбка. Ира удивленно наклонила голову набок. Странно... Это первый человек за долгое время, на внешность которого она обратила внимание. Остальные люди проходили мимо нее как в тумане. Этот туман стал уже настолько привычным для Ирины, что она была почти уверена, что так ей предстоит прожить остаток жизни. Усталость накапливалась несколько месяцев и теперь выливалась в такое вот сумрачное состояние, из которого, как казалось Ире, выхода уже не было. Она молча кивнула, и женщина опустилась рядом на скамейку.

В это время в скверике, который находился рядом с новым домом, где поселились Ира с мужем, было тихо и спокойно. На детской площадке детей было еще немного и их крики не мешали спать близнецам. Ира машинально катала коляску перед собой, хотя давно можно было уже оставить ее в покое. Мальчишки крепко и сладко спали.

– Богато! – женщина кивнула на коляску и улыбнулась.

– А? – Ира повернула голову и недоуменно посмотрела на нее.

– Сразу двое. Богато! Я тоже мечтала о двойне. Но, не получилось.

Ирина смотрела на собеседницу и пыталась понять, о чем та говорит. Голова гудела, как, впрочем, и всегда в последнее время. Постоянный недосып и нервное напряжение давали о себе знать. Ирина не помнила, когда она просыпалась последний раз сама. Будильник, дети, Алексей, свекровь, мама... Кто угодно будил ее. И каждому было что-то нужно. А ей нужно было поспать. Это стало навязчивой идеей, мечтой. Выспаться хотя бы раз. С вечера и до позднего утра. Проснуться с удовольствием, потянуться всласть и не торопясь выпить чашку крепкого кофе. Кофе! Это для нее теперь совершенно запретный напиток. Даже и заикаться нечего, как ей хочется хотя бы крошечную чашечку, а то тут же начнутся стоны-ахи-вздохи, что она хочет навредить детям.

– А что получилось? – Ирина вовсе не хотела поддерживать разговор, но ей вдруг стало интересно.

– А вон, носится все то, что получилось, – женщина кивнула на детскую площадку, где бегала детвора. – Трое моих. Катя, Саша и Максим. А старшие в колледже и университете.

Ира удивленно посмотрела на собеседницу.

– А сколько вам лет? – вырвалось у нее прежде, чем она успела сообразить, что вопрос может быть и неуместен.

– Что, сильно молодо выгляжу для мамы таких великовозрастных детей? – рассмеялась та.

Ира кивнула.

– Мои родные Катя и Саша, младшие. Остальные приемные. Дети моей сестры старшей. У нас большая разница с ней. Я младше почти на пятнадцать лет.

– Ого!

– Да. Мама всегда смеялась, что я последыш.

Ира посмотрела на детей, которые носились по детской площадке и подумала о том, что совсем скоро ее малыши, наверное, тоже будут бегать вот так. Это казалось чем-то нереальным.

– Спать хочешь? – женщина мягко улыбнулась и перешла на «ты» так естественно, как будто они были знакомы много лет.

– Очень! – Ира кивнула.

– Я тоже. Завтра выпускной в садике, а Катерина из платья выросла, в котором планировали покорять свет. Пришлось срочно придумывать новое. Дошила только к утру. Зато красивое – сил нет! Сама бы в таком ходила.

Женщина тряхнула кудрями и вдруг встала.

– Нам нужен допинг! Ты какой кофе пьешь?

– Никакой... – вырвалось у Ирины с горечью прежде, чем она успела остановиться.

– Почему? – собеседница недоуменно посмотрела на Иру.

– Нельзя. Я кормлю.

– А это сильно противопоказано? Врач запретил?

– Нет... – Ира растерянно посмотрела на собеседницу.

– Тогда что-то с большим количеством молока и капель счастья? – женщина подмигнула и зашагала к кафе неподалеку.

Через несколько минут они блаженствовали, вдыхая аромат, исходящий из картонных стаканчиков.

– Если меня застукуют, то будет беда. – Ира вытащила из кривой гульки заколку и трянула головой. Русский водопад хлынул по плечам, укрывая хозяйку до самой талии.

– Ого! Красота какая! И прячешь?!

– Была красота. Одну половину состригла, вторая выпала после родов.

– Ха! Ты меня не видела! Плеши приходилось подкрашивать краской. У меня старшая, Василиса, училась в художке. Так она мне намешивала состав точно в тон и замазывала это безобразие. Красота была неопиcуемая!

Женщина расхохоталась так заразительно, что Ира не задумываясь присоединилась к ней.

– Сижу однажды в поликлинике детской. С младшими на прием пришла. А перед нами не в меру внимательная бабушка с внучком. Разглядывала меня, разглядывала, а потом дернула внука за руку и ушла, пересела. Я в кабинет по очереди захожу, а мне наш педиатр говорит: «Жалоба на вас поступила. Не знаю, как и реагировать. У вас правда что-то страшное со здоровьем?». Я обалдела, понять ничего не

могу. А она мне объясняет, что бабулька эта полчаса в кабинете у нее кричала и призывала все кары на мою голову. За что? А за то, что я в детскую поликлинику пришла с такой страшной заразой.

Смех взвился над липами и разнесся по всему двору. Дети на площадке обернулись, рассмеялись в ответ и помахали матери.

– Меня Вера зовут, кстати.

– Ира.

– Приятно познакомиться, Ирочка! Давно вы здесь живете?

– Нет. Недавно переехали. Перед самыми родами. А вы?

– Пару месяцев назад. Долго квартиру искали. Нас же много. Хотели дом, но не нашли такого, чтобы и школа и все остальное рядом. Они же у меня все деловые. Кто в музыкалке, кто в художке. Младшие все в бассейн ходят и на каратэ.

– И как ты все успеваешь? – ахнула Ирина.

– А никак! – Вера улыбнулась. – Ничего не успеваю. Вечно носимся как ужаленные. И что удивительно – ни разу никуда не опоздали. Это очень странно, скажи?

– Скажу! – Ирина рассмеялась и поймала себя на том, что ей вдруг стало лучше. Туман куда-то делся, и она четко видела людей вокруг, цветы на клумбе и даже листья на деревьях.

– А почему ты сказала, что будет беда, если увидят, что ты кофе пьешь? – Вера сделала очередной глоток и довольно

зажмурилась. – Это ли не счастье?!

Ира нахмурилась. Вдаваться в подробности не хотелось, но она и правда устала от всего так, что у Ирины невольно вырывалось:

– Потому, что я не умею быть правильной матерью!

Вера поперхнулась очередным глотком кофе и удивленно посмотрела на Иру.

– Как-как? Не умеешь быть...

– Правильной матерью. – Ира сжала в руках стаканчик и опустила глаза. – Вечно делаю все не так.

Вера выпрямилась на лавочке и в глазах ее что-то мелькнуло, но Ирина этого не заметила, погруженная в свои мысли. Ире хотелось сейчас расплакаться и закричать. Выговорить, выплеснуть все, что накопилось за эти месяцы. Все, что так давило на нее, не давая дышать, мыслить, чувствовать что-то, кроме бесконечной постоянной вины. Все, что мешало ей любить своих детей так, как она когда-то мечтала.

– Ты это не сама придумала? Рассказал кто-то? Объяснил популярно, в чем ты неправильная, так? – голос Веры прозвучал так странно, что Ира невольно подняла глаза.

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю. Догадываюсь. Ира, мы только познакомились. Я понимаю, что рассказывать первому встречному о своих проблемах неправильно, наверное. Но, я хочу, чтобы ты сейчас кое-что поняла. Я никому и никогда не расскажу того,

что от тебя слышала. Больше того, если ты завтра решишь, что тебе неловко от того, что со мной поделилась, я сделаю вид, что мы вообще незнакомые люди и пройду мимо. Но, иногда бывают такие моменты, когда выговориться надо. Это необходимость. Я это точно знаю, потому, что была в такой же ситуации.

– Помогло тебе?

– Да. Если бы не это, моей семьи не было бы. Самый младший не родился бы вообще, а старших я бы потеряла. Я расскажу, если хочешь, но мне кажется, что важнее сейчас твоя история. Почему ты так не уверена в себе? Что заставляет тебя думать, что ты плохая мать?

– Да все! – Ирина вдруг взорвалась и торопливо заговорила. – Я все и всегда делаю не так! С самого детства мне все всегда говорили: «Ирочка, ты замечательная девочка, но тебе бы...». Вот это «бы»! Если бы я была чуть побойчее, если бы была чуть покрасивее, если бы была чуть поумнее, если бы, если бы...

– Расскажи! – Вера развернулась на лавочке вполоборота и бросила взгляд на площадку. Дети играли в какую-то игру, отсчитывая шаги от качелей и хохоча.

Ира родилась в очень приличной и благополучной семье. Ее мать была преподавателем английского языка, а отец заведовал поликлиникой. Будучи единственным ребенком в семье, девочка почти ни в чем не знала отказа. Но, как-то сложилось, что Ирочка росла очень скромной и тихой. При-

мерить новый наряд было проблемой, потому, что она стеснялась выйти в нем во двор. Новые игрушки занимали место на полке и могли там пылиться неделями, потому, что Ирочка боялась сломать или повредить их и тем самым огорчить родителей. Единственным, что доставляло ей искреннюю радость стали книги. Она точно знала, как сделать так, чтобы сохранить книжку невредимой. Ирочка оборачивала ее бумагой и читала очень аккуратно, тихо перелистывая страницы.

В садик ее не отдали. С девочкой, которая слишком часто болела, сидела бабушка. Поэтому, когда Ира пошла в школу, начались проблемы. Тихую, безответную девочку начали обижать в классе.

– Ирочка, тебе бы немножко побойчее быть надо! – классный руководитель утирала слезы Иринке и ругала ее обидчиков. – Не давай им спуску!

Но, Ира не умела отвечать на грубые слова или тычки. Она только втягивала голову в плечи и тихо плакала. Так продолжалось до тех пор, пока в классе не появился новенький. Алексей.

Девятый класс стал для Иры испытанием. Родители жаждали видеть дочь образованной и никакие варианты кроме высшего образования не обсуждались. Ирина тянулась как могла, но способности у нее были средние и каждая пятерка давалась невероятным трудом. Правда, трудиться Иринка умела. Просиживая за учебниками полночи, она приходила

в школу с тяжелой головой и уже не реагировала, когда кто-то из одноклассников дергал ее за тяжелую длинную косу.

– Смирнова! Дай списать алгебру!

Ира молча доставала тетрадь и от нее отставали.

Алексея родители перевели из гимназии и первое время ему вообще не пришлось напрягаться, чтобы показать результат. Поэтому, он сосредоточился на том, чтобы оглядеться по сторонам и разобраться в обстановке в классе.

Тихая красивая девочка с совершенно нереальной и такой немодной косой сразу привлекла его внимание. Немного понаблюдав за ней, он уже через неделю сбросил на пол рюкзак соседки по парте Ирины и уселся рядом. Класс замер, а потом заулюлюкал, загомонил.

– Что, заняться больше нечем? – Алексей так недобро прищурился, что от них тут же отстали. Новые одноклассники уже навели справки и знали, что Леша стал чемпионом области по дзюдо, поэтому связываться с ним не хотели.

– Ты зачем сюда сел? – Ира даже не повернула голову, делая вид, что слушает историчку и накручивая кончик косы на палец.

– Понравилась ты мне. Вот и сел. Или ты против?

– Нет. – Ира откинула косу за спину и взяла ручку.

– А тебе не тяжело? – Алексей искоса глянул на соседку по парте.

– Что именно?

– Коса.

– Тяжело. Даже голова болит иногда.

– Зато красиво...

Ира мягко улыбнулась и принялась записывать новую тему.

Поженились они после того, как Ирочка перешла на третий курс.

К тому времени отца Ирины уже не стало, мама постепенно приходила в себя после потери опоры. А родители Алексея развелись. Свекровь устроила скандал перед свадьбой, не желая видеть на ней бывшего мужа и успокоилась только тогда, когда Алексей поставил ультиматум – или она молчит, или свадьба будет сыграна вообще без гостей. Галина Михайловна очень хотела доказать родственникам, что с уходом бывшего мужа к молоденькой любовнице, ее жизнь не закончилась. Поэтому она смирилась и лишь попросила сына, чтобы новой пассии отца на свадьбе не было.

– А я и не собирался ее приглашать. Папа против.

– Папа твой! – Галина Михайловна опять вспылила, но тут же осеклась, поймав взгляд сына.

Ирочка, которая присутствовала при этих разговорах, мечтала исчезнуть куда-то и не появляться рядом с женихом, пока не решатся все вопросы с его родственниками. Но, эта функция была ей недоступна и Галина Михайловна, видя, что на сына ее претензии не действуют, принималась высказывать их Ирине. Она давно уже поняла, что невестка спокойный и благожелательный человек, не способный на скан-

дал или выяснение отношений. Галину Михайловну это раздражало, ведь сама она была достаточно боевой женщиной.

– Ира, нельзя же быть такой мямлей! Ладно, сейчас! Леша рядом, и кто тебя тронет? Но, когда пойдут дети? Ты же совершенно не способна составить собственное мнение о чем-либо и отстоять его.

Ира опускала голову и молча старалась уйти от бесконечных упреков. Лишь однажды она поделилась с матерью своими переживаниями, но в ответ услышала:

– Галина Михайловна в чем-то права, Ирочка. Ты очень уж мягкая и тихая. Пора бы уже быть позубастее. Может быть тогда и она бы к тебе меньше придиралась. Подумай над этим.

Ирина подумала. Но, сделать что-то в силу своей природной застенчивости, не смогла. Галина Михайловна умело вела свою линию. Все разговоры с невесткой на подобные темы она вела в отсутствие сына. Она точно знала, что Ирина не станет жаловаться Алексею.

Первое время после свадьбы Ира с Алексеем жили у Галины Михайловны, ожидая, пока закончится ремонт в квартире бабушки Иры, которую та оставила девушке в наследство.

– Это хорошо, Ирочка, что ты у нас невеста с приданым, а то пришлось бы нам маяться на одной территории, пока Лешенька не решил бы вопрос с жильем. – Галина Михайловна довольно улыбалась, наблюдая, как невестка моет пол в кух-

не. — А пока я научу тебя, как нужно ухаживать за Лешей. Он ведь у меня балованный. Привык, чтобы чисто, вкусно и рубашки свежие на выбор.

Ирина молчала. Какой смысл ругаться, если еще немного и они переедут? Но, с переездом проблемы не закончились. Галине Михайловне было отчаянно скучно. Пенсия у нее была вполне приличной, сын помогал хорошо и необходимости в дополнительном заработке не возникало. Поэтому заняться ей было совершенно нечем. Решив, что, раз Ирина работает на дому, то ей тоже нечем заняться, Галина Михайловна стала регулярно посещать дом сына с визитами.

— Ириша, а почему у тебя окна такие грязные? Улицы же не видно!

— У меня нет возможности сейчас заняться ими. Нужно закончить перевод.

— Куда убежит твой перевод, если в доме от пыли дышать нечем и совершенно темно? Ты испортишь себе глаза!

Галина Михайловна демонстративно приносила таз с водой, табурет и охала, сетуя на то, что возраст уже не тот, чтобы прыгать по верхам. Ирина вздыхала, откладывала словари и шла мыть окна.

Такие мелочей накопился вагон и большая тележка. Ирина поняла, что это не закончится никогда и решила на разговор с Алексеем.

— Леш, а как у нас с деньгами? Ну, теми, что мы откладываем на новую квартиру?

– На первый взнос уже собрали, но на остальное пока немного. А что?

– А если мы продадим эту квартиру и добавим эту сумму к первоначальному взносу, платеж по ипотеке ведь будет потом совсем маленький?

– Да, небольшой. Но, ты же не хотела продавать?

– Я передумала. Только, можно это будет новая квартира? И в другом районе?

Алексей внимательно посмотрел на жену и кивнул. Поиски покупателей на квартиру затянулись, потом они искали варианты. За это время Ирина успела забеременеть.

– Я уж думала, этого никогда не случиться! – Галина Михайловна ликовала, поднимая бокал в честь будущих внуков.

– Мама, мы женаты меньше года.

– И что? Кто-то и до свадьбы успевает, хотя это и не говорит о высокой морали. Мне вообще уже начало казаться, что Ирина не хочет детей. Вся в заботах, в работе своей. Это не дело для молодой и здоровой женщины. Вот дети – это да!

Ира сидела рядом с матерью и думала о своем. Ей было страшно.

– Мамочка, их двое.

– Двойная радость, Ирочка!

– Это да, конечно, я рада. Но, мне немного не по себе. Как я справлюсь с двумя одновременно?

– Не волнуйся. Есть я, есть Галина Михайловна. Поможем.

Звучало это, конечно, прекрасно, но на деле оказалось не так радужно.

Началось все еще до родов.

– Высокая степень миопии. Разрывы на сетчатке.

Врач, которая осматривала Ирину, покачала головой.

– С такими показателями я не дам рекомендации к естественным родам. Нужно исключить потужной период. Слишком велик риск, что будет потеря зрения. К тому же есть и еще показания к кесареву, так?

– Да. С сердцем проблемы небольшие. – Ирина, стиснув руки сидела на низком стульчике у аппарата, на котором ей проверяли зрение.

– Я вижу в карте.

Врач пролиستала странички и подняла глаза.

– А что вы так перепугались? Ничего страшного! Родите, а потом придете ко мне. Сделаем нужные манипуляции и будете смотреть на своих ребятишек в свое удовольствие. Медицина уже многое может.

Ирина вечером рассказала Алексею, который был в очередной командировке, а на следующий день проснулась от звонка свекрови.

– Какое кесарево?! Это же операция! Это же наркоз! Дети будут неполноценными! Господи, неужели Лешенька не мог выбрать здоровую девушку? Ведь очередь стояла! Ира! Ты должна рожать сама!

– Я не могу! А если я ослепну?

– Это бред и чушь! Главное, что дети будут здоровыми! Неужели ты не знаешь, что ребенка, который не шел родовым путем, нельзя считать полноценным?

– Галина Михайловна, что вы такое говорите?

– Что знаю, то и говорю! И материнские инстинкты не запустятся у тебя! Ты хочешь испортить всю жизнь этим несчастным малышам?

– Мои дети не несчастные! – Ирина в сердцах швырнула телефон на кровать и разрыдалась.

Алексей приехала через два дня и все это время Ирина провела у матери. Она не хотела возвращаться в свою квартиру, потому, что даже другой район не стал препятствием для деятельной Галины Михайловны, которая научилась лихо вызывать такси в приложении и приезжала по любому поводу.

– Ирочка, ты должна сама решить, как будет лучше.

Мать ставила перед Ириной тарелку с любимой едой. Видя мамины сырники или наваристый борщ Ирине казалось, что она снова вернулась в детство и все будет тихо, спокойно и хорошо. Но, вот только... Ей нужно быть для этого очень хорошей девочкой и слушаться старших.

– Ириша, что случилось? – Алексей вел машину по темным улицам и пытался понять, что происходит с его женой. Ведь, когда он уезжал всего неделю назад, она была спокойна, а сейчас глаза на мокром месте.

– Леш, а если я и правда неправа, что решила рожать через

операцию? Может быть твоя мама знает, как лучше?

– Ирка, моя мама всегда знает лучше всех и все на свете. Но, это совершенно не значит, что ее надо слушать. Тебе врач, что сказал? Рожать надо так, потому, что это безопасно для тебя и для детей. Так?

– Так.

– Вот и давай слушать врача, а не мою маму, хорошо?

Галина Михайловна не появлялась в квартире сына до самых родов. Алексей категорически запретил ей любое общение с Ириной. Мальчишки появились на свет в срок и врач, принимающая роды у Иры, расхваливала ее и детей на все лады.

– Ирочка, ты молодец! Доносила, справилась! И мальчишки отличные получились! Показатели хорошие. Отдыхай девочка! Скоро тебе будет не до этого.

На выписку обе бабушки явились вовремя. Мать Ирины, Ольга, плакала, держа на руках внука, а Галина Михайловна придирчиво разглядывала малышей.

– Головы на месте и их по одной на брата. – Алексей забрал у матери сверток с сыном и пошел к машине.

– Лешенька, что ты такое говоришь?! – возмущенно запричитала Галина Михайловна, торопясь вслед за единственным сыном.

Первая неделя слилась для Ирины в один сплошной длинный день. Она не могла потом никак вспомнить, а спала ли хоть раз за все это время дольше десяти минут. Малыши ни-

как не хотели устанавливать график. Засыпали и просыпались тогда, когда им нравилось и Ирине стало казаться, что она такая молочная ферма на ножках с волшебной кнопкой, которая должна все время быть включена.

Ольга приезжала к дочери по утрам, наводила порядок, готовила есть и после обеда ее сменяла Галина Михайловна.

– Возраст уже не тот, чтобы мне с тряпкой по углам лазить. Пусть Ирина этим занимается. А я детей нянчить буду.

– Мама, Ира после операции, ей даже с кровати вставать пока тяжело.

– Так пусть не ложится! – смеялась Галина Михайловна, тетешкая внука. – Нет, все-таки дети, рожденные естественным путем гораздо крепче. А эти все время плачут или спят.

– Еще раз такое услышу, больше ты сюда не придешь! – Алексей нахмурился, и Галина Михайловна предпочла прикусить язык. Ссора с сыном в ее планы не входила.

Прошло три месяца, и Алексей вернулся к прежнему графику работы, в котором командировки сменяли одна другую.

– Потерпи немножко, Иришка. Вот Геннадьича проводят на пенсию и я займу его место. Буду большой начальник и ездить куда-то мне больше не придется.

– Леш, да я все понимаю. Все в порядке. Я, конечно, была бы очень рада, если бы ты был все время рядом, но понимаю, что так нельзя. По крайней мере пока. Мы справимся.

Звучало это более бодро, чем было на самом деле.

К трем месяцам у Ирины начались проблемы с кормлением. Молока становилось все меньше. Дети не наедались, капризничали, а для нее время свернулось в одну точку. В этой точке она сидела, не различая дня и ночи, поочередно прикладывая детей к груди или слушая, как тарахтит молокоотсос.

– Не смей бросать кормление! Материнское молоко – это здоровье для детей! Это их иммунитет! А если молока мало, значит ты все делаешь неправильно! – Галина Михайловна бушевала, а у Ирины не было сил поставить ее на место.

– Она привезла мне консультанта по грудному вскармливанию. – Ира сделала глоток кофе и довольно зажмурилась. – Боже, какое счастье! Я так мечтала об этом!

– О консультанте? – Вера удивленно подняла брови.

– О кофе! – Ирина рассмеялась, но тут же нахмурилась. – Консультант меня тогда и добил.

– Как это?

– Понимаешь, Вер, я даже в школе стеснялась переодеться на физкультуру. А тут какая-то чужая тетка мнет мне грудь, рассказывая моей свекрови, как я неправильно прикладываю детей и прочее.

– А ты неправильно прикладывала?

– Да кто его знает? Вроде правильно. Так как в роддоме показывали. Там замечательные были неонатологи. Следили за нами, и все рассказывали. И дети не жаловались поначалу. Это потом уже начали капризничать.

– А тебе в голову не приходило, что дело вовсе не прикладывании? Может быть тебе надо было просто больше есть, пить и спать?

– Приходило, но мои выводы никому не были интересны. Даже моя мама сказала, что я не права. Мне хотят помочь, а я упрямлюсь.

– А ты упрямылась?

– Нет. Мне было уже все равно. Вера, я так устала, что сил никаких нет. Мне во сне снится, что я спать хочу, понимаешь?

– Не понимаю. Точнее, нет, понимаю, что ты устала, но другое понять не могу. Почему, при наличии двух бабушек ты не можешь просто лечь и выспаться? Сцедила молоко и спи хоть всю ночь.

– Ха! Это ты моим родительницам скажи. Нельзя давать соску ребенку, понимаешь? Это вредно. Грудь потом не возьмет.

Вера застонала.

– Какой-то паноптикум, ей-богу! Ира, ты понимаешь, что ты себя загонишь так окончательно? Доведешь себя до того, что и дети тебе будут не в радость?

– Понимаю... Уже... – Ира опустила голову и расплакалась.

– А вот это уже лишнее, хотя иногда и помогает. – Вера достала из сумки пачку бумажных платков и протянула Ири-не. – Ирочка, я тебе сейчас скажу кое-что, а ты не обижайся,

хорошо? Просто выслушай и подумай. Я уже говорила, что была на твоём месте. Поэтому знаю, что именно ты сейчас чувствуешь. Так вот... Мы сами это с собой делаем.

– Что?

– Позволяем портить себе жизнь. Позволяем уничтожать нас и наших детей.

– Как это? – Ирина выпрямилась и смахнула оставшиеся слезы.

– Так это! Кто кроме матери может знать, что лучше для её ребенка? И что для ребенка может быть лучше, чем здоровая и адекватная мать? Адекватная во всем, Ира. От собственного здоровья, которое она должна беречь всеми силами, не слушая никого, кроме врачей, и до психического состояния, которое очень сильно иногда зависит от нашего окружения. Посмотри на моих детей. Как считаешь, они здоровы?

Ирина прикрыла глаза от солнца ладонью и повернулась к детской площадке.

– Конечно! Красивые и здоровые дети.

– Ни одного из своих я не кормила грудью. И хотела бы – не смогла. Молока не было. Оба искусственники. И никаких особых проблем со здоровьем у них нет. Так, сопلي периодически, как у всех. Ходят в садик, скоро в школу пойдут. Обследованы вдоль и поперек, поэтому я могу это утверждать. Умные. Катерина читает с четырех лет, Сашка чуть припозднился, только недавно начал. Ему пять.

Ирина задумалась.

– Поверь, от того, что ты будешь кормить детей смесью, плохой матерью ты не станешь.

– Но, ведь грудное вскармливание – это важно. Это основа...

– Да. Но, если эта основа невозможна по каким-то причинам, то что получается? Дети существовать не могут? Или обязательно будут неполноценны? Скажи мне, сколько спят твои малыши?

– Час-полтора где-то.

– А ночью?

– Ночью также.

– Ира, я не буду тебе ничего рассказывать о том, как важен длинный сон для детей в их возрасте. Расспроси врача об этом. И о том, нужно ли тебе дальше продолжать твой «героический подвиг материнства». Могу только сказать тебе, что совершенно точно знаю, если ты не прекратишь играть в эти игры, то итог будет неважный. Может наступить такой момент, когда ты глядя на своих детей поймешь, что ничего уже не хочешь. Ни играть с ними, ни заниматься. И не потому, что ты плохая, а просто потому, что ты безумно устала и у тебя нет больше сил. А взять их будет абсолютно нелегко.

– Как страшно звучит... Вера, а ты так уверенно об этом говоришь... Неужели?

– Уже ли. Я же тебе с самого начала сказала, что все это уже слышала и видела. Немножко в другом ракурсе, но видела.

– Расскажи.

– Часть ты уже знаешь. Старших детей не я рожала. У меня была старшая сестра. Умница-красавица, вот только похожа чем-то на тебя. Такая же тихая и скромная была. И я такая была в детстве и юности. Родители держали нас в строгости, но любили очень. Мечтали, что вырастем, прославим фамилию. В чем-то оказались правы. Сестра моя стала известным химиком. Нравилась ей эта наука. Преподавала в вузе, руководила лабораторией. Карьера была построена, но личная жизнь не складывалась, пока она не встретила своего мужа. Видный был, яркий. Чем уж она ему понравилась – не знаю, а только сошлись они. Руслан, через два года Василиса, а потом еще через шесть – Максимка. Казалось, что жизнь удалась, ведь такая пара, такие дети. Только никто не знал, что творилось за закрытой дверью в их семье. Никто не знал, что все эти годы он избивал Полину, мою сестру. Даже дети об этом не знали. Вскрылось все случайно. На мой день рождения пошли в баню девчатами. Она долго отнекивалась, но потом согласилась. Там, где ей видно было, синяки сошли, а на спине... В общем, я поняла, что дело плохо. Много было слез и разговоров, но ни меня, ни родителей она не послушала. Уходить от него боялась. Он был прекрасным отцом, как ни странно. Дети его обожали. А Полина считала, что для нее главное – это счастье детей, а не ее собственное. Вот только...

– Что?

– Не выдержала она. Постоянные нервные срывы, препараты, которые она принимала, чтобы держаться. Они ехали домой от родителей. Оставили детей на выходные, чтобы наладить отопление в доме, который купили. Что случилось в машине, никто не знает. Может, поссорились опять, может еще что... Только... Полина в какой-то момент просто направила машину в стену и на полной скорости въехала в бетонный забор у предприятия недалеко от дома. Машина была совершенно исправна. Значит, она сделала это сама...

Вера закинула голову, прогоняя непрошенные слезы.

– Как же так? – Ира растерянно смотрела на Веру. – А дети? Ведь она всегда думала о них?

– Зарядка закончилась, Ирочка. У всего есть уровень заряда. И у нас тоже. У Полины уровень заряда стал критически низким, а подпитаться было негде. Она не дала ей помочь. А мы виноваты в том, что не настояли. Не увезли, не спрятали...

– Ужас какой... Погоди, Вера, но ты сказала, что ты была на моем месте? Ты сама?

– Да. Потом жизнь испытала на прочность и мою зарядку. Когда родственники наотрез отказались брать к себе детей Полины. Родителям и не дали бы, возраст и состояние здоровья не позволяли. Но были еще дяди, тети... И никому дети оказались не нужны. Оставался детдом.

– И тогда ты их взяла?

– Не сразу. Мне было всего девятнадцать. Я еще училась.

Ни жилья, ни работы. Я бросила институт, выучилась на парикмахера и стала крутиться. Поначалу было сложно, а потом потихоньку наладилось. Мне нравилось делать людей красивыми, а любовь к химии дала дополнительный бонус. Ведь хорошо покрасить может не каждый мастер. А уж если еще и техниками разными овладеть – так и вовсе золотое дно получается. Через полгода я сняла большую квартиру и собрала документы. Родители помогли, чем могли. Чего я только не наслушалась в свой адрес! И что брошу их, и что верну через месяц, и что не справлюсь... А я ничего не видела и не слышала, кроме детей. Когда приходила их навестить, они молчали. Ни разу не спросили у меня, заберу ли я их. Старшие все понимали, а Максим был совсем маленький. И первые пару месяцев мы все жили как на иголках. Все боялись, что ничего не получится. Да еще и проверки ходили одна за другой. Нет, это, конечно, очень хорошо, что органы опеки так работают, следят, чтобы все было хорошо, но мы на эти звонки в дверь дергались каждый раз так, как будто это последний наш день вместе.

– Трое детей... Вера, да тебе памятник ставить надо!

– Ага, и ходить туда-сюда, чтобы тропа к нему не зарастала? – Вера рассмеялась. – Нет, Ирочка, ничего особенного я не сделала. Просто то, что должна была. Да и дети у меня замечательные. С Максимом помогали очень.

– Постой, а как у тебя свои появились?

– А это продолжение. После того как я старших забрала,

год прошел, и я встретила своего будущего мужа. У меня машина сломалась, а он мне помог. Так и познакомились. Он из большой семьи, родни куча. Мать, бабушка, две сестры, это не считая мужчин. Там свой уклад и мужчины в женские дела не лезут. А все, что касается детей и дома – это женские дела. И за новой невесткой все должны наблюдать. Мало того, что я не ко двору пришлась со своим «выводком», так еще и самостоятельная чересчур оказалась.

– Конфликтовали?

– Не сразу. Я ведь понравиться хотела. Поэтому и молчала где надо и где не надо. Муж мой хороший человек. Сразу дал понять своим, что я не увлечение. С детьми общий язык нашел. Все было хорошо, пока у нас Катя не появилась...

– А что не так?

– А вот то же самое, что у тебя. Я мгновенно стала неправильной матерью. Все делала не так. Роды тяжелые были, меня с того света буквально вытащили. Я еле на ногах стою, а мне лекции читают, как я должна за ребенком ухаживать по обычаям, да мужа ублажать. А мы с мужем, смешно сказать, ни о каком блаженстве даже не мечтали. – Вера рассмеялась. – Мечтали выпасться! Катерина у меня такая звонкая получилась как колокольчик! Да еще и Максим ревновать стал сильно. Маленький же еще. В общем такой букет проблем получился – мама не горюй. Без старших я бы и не справилась. Васька тогда на себя готовку взяла, а Руслан приходил из школы и драил всю квартиру. Не считал зазор-

ным. Пока добрая моя свекровь ему не растолковала, что не мужское это дело. А много надо? Подросток еще. Начались взбрыки. Вроде ничего серьезного. Это я так считала, а семья моя новая считала по-другому. Шептались, сплетничали, а потом как-то собрали женсовет. И поставили мне ультиматум. Я ведь плохая мать, как ты помнишь. Поэтому ни тем детям, ни своей не могу нормально ничего дать. Вот и потребовали они, чтобы я старших детей отдала обратно в детдом.

– Что?! – Ирина охнула так громко, что беспокойно завопились близнецы. Она толкнула коляску, начав неспешный ее танец туда-сюда и снова повернулась к Вере. – А ты?

– А что я? Я поняла, что надо что-то срочно менять.

– Что ты сделала, Вера?

– Выгнала всех. В шею. Орала так, что на Оперной площади в Париже слышно было, наверное. Я же вообще-то не скандальная. Ругаться и отношения выяснять не умею, а тут меня аж понесло. Муж пришел в конце этой феерии и сказать, что он обалдел – не сказать ничего. Правда, когда узнал из-за чего сыр-бор, орал еще громче меня.

– На своих?

– Ага. Объяснил им, кто для него теперь «свои». Я после этого готова была ему не то, что сына родить, а все что угодно сделать. Так появился Сашка. Страшно было до истерики. Я рожать боялась. Но, с ним все оказалось иначе. Рожать самой мне не дали. Прокесарили. И я забыла все свои стра-

хи, как только его на руки взяла. И, Ира, я только с младшим сыном поняла, что такое быть матерью. Не затурканной чужими претензиями и советами теткой. Не перепуганной и ничего не соображающей от усталости тенью, а матерью. Я больше никого не слушала. Спала вместе с сыном, кормила так, как советовал врач. И знаешь, что самое интересное?

– Что?

– Они ведь с Катей погодки. И дочка у меня была очень характерная, капризная, а тут, как подменили. Я успокоилась, и ребенок мой успокоился. И спать стала хорошо, и ела так, что только за ушами трещало. Говорят, что тяжело с погодками. А мне легко было. Я даже на йогу записалась. Правда ходила, конечно, через раз, а то и через пять, но ходила же! И никто мне больше не рассказывал, что я «не такая». А ведь был момент, когда так достали, что я сидела на подоконнике и думала о том, что мне хочется просто покоя...

Ирина вздрогнула и отвела глаза.

– Понятно. Ирочка! – Вера взяла за руку Ирину. – Мне психолог потом сказал, что это обычное явление. Человек не может постоянно быть в психотравмирующей ситуации. И если ему твердить, что он свинья, то и захрюкает и что похуже сделать может. Главное, не дать себя загнать в эту яму. Выбраться из нее очень сложно. Особенно, если некому помочь. Вот ты сегодня первый шаг уже сделала.

– Какой? – Ирина удивленно посмотрела на Веру.

– А рассказала мне. Держу пари, ты даже мужу ничего не

рассказывала? Так? Не хотела скандала в семье. Не хотела с мамой его рассорить и боялась.

– Если ты мне скажешь сейчас – чего, то я решу, что ты ведьма.

– А не надо тут ведьмой быть. Боялась, что выберет не тебя, а маму, так? Она тебе это очень хорошо объяснила, кто главная женщина в его жизни?

– Ты – ведьма, Вера!

– Нет. Обычная баба. Ладно, ладно, не хмурься! Женщины. Эти проблемы, кажется, с начала мира существуют и будут существовать, когда и нас не станет. И каждая мама своему мальчику будет объяснять, что мать у него одна, а жен может быть сколько угодно.

– Вер, если я своим такое хоть раз скажу...

– Не зарекайся. Они у тебя еще крохи совсем. Откуда-то же берутся знатные такие свекрови. – Вера рассмеялась. – У тебя масса времени, чтобы переосмыслить свой подход к этой жизни.

В коляске завозились близнецы, и Ира поднялась со скамейки.

– Спасибо тебе, Верочка!

– А не за что! – Вера глянула на часы и тоже встала. – Нам пора. У Кати танцы через полчаса.

– Вера... – Ирина опустила глаза, не решаясь спросить.

– Придем ли мы завтра? – улыбнулась Вера. – Обязательно придем. До встречи.

Она подхватила стаканчики, в которых еще плескался на доньшке кофе и, махнув на прощанье рукой, пошла в детской площадке.

Ирина поднялась домой и, раздев мальчишек, на минуту задумалась, а потом взяла телефон и вызвала врача, который вел ее детей частным образом, на дом. Через пару часов она скинула список покупок мужу и посмотрела на малышей.

– Теперь все будет по-другому!

Галина Михайловна схватилась за голову на следующий день, увидев на кухне выстроившиеся в ряд бутылочки.

– Что это? Вы с ума сошли? Как можно так гробить детей?!

Ирина, которая с утра, впервые за долгое время, успела вымыть голову и привести себя в порядок, перекинула косу через плечо.

– Галина Михайловна, вам пора!

– Куда пора? – свекровь запнулась на полуслове, не понимая, что происходит.

– По своим делам пора. А мне пора заняться детьми. И да, в ваших нравоучениях я больше не нуждаюсь. Вы своего сына вырастили. Прекрасным человеком, за что я вам очень благодарна. А я хочу воспитать своих детей сама. Как у меня это получится – не знаю пока. Но, в чем я уверена, так это в том, что никого за огрехи в этом воспитании я не буду винить потом, кроме себя.

– Ира, ты не в себе? Что это значит? – Галина Михайловна

начинала закипать как чайник на плите.

– Это значит, что я больше не хочу и не буду слушать в свой адрес уничижительные замечания. Это значит, что как кормить и растить своих детей, я буду решать сама, совместно с педиатром. Ваша помощь будет для меня бесценная и желательна, но только в том случае, если вы признаете за мной право быть матерью своим детям.

– У тебя что-то с головой. Я немедленно звоню Алексею.

– Только попробуйте! Он на трассе сейчас и ваша истерика ему совершенно ни к чему. Сделаете по-своему – внуков больше не увидите. А сейчас – всего хорошего! Подумайте о том, что я вам сказала и увидимся в другой раз. Когда Леша будет дома. Думаю, что это будет самый хороший вариант.

Галина Михайловна возмущенно фыркнув вылетела из квартиры, а Ира опустила на стул и тихонько взвыла. Понимая, что не справляется, она набрала телефон Веры.

– Плохо тебе? Буду через десять минут. Держись!

Ира не помнила потом, как Вера отпаивала ее валерьянкой. Не помнила, как она то плакала, то смеялась. Не помнила, как вернулся домой Алексей и перепугался, увидев жену в таком состоянии. Не помнила, как уснула после укола успокоительного, который ей сделала скорая, вызванная мужем. Проснувшись она на следующий день рано утром почему-то совершенно отдохнувшей и спокойной. Глянув на часы, она вскочила с кровати и замерла. В кроватке тихо посапывал один из мальчиков, а второй был на руках у Алексея,

который вошел в комнату, стараясь не шуметь.

– О! А чего ты вскочила? Ложись! Красота какая эти бу- тылочки! Представляешь, я их вечером покормил, и они всю ночь спали. Только полчаса назад проснулись. – Алексей уложил второго сына в кроватку и обнял жену. – Как ты?

– Хорошо... Леш, правда, хорошо. Даже странно как-то.

– Вера сказала, что у тебя истерика случилась из-за того, что ты первый раз в жизни повела себя по-другому. Не так, как всегда. Сломала шаблон. С мамой моей поругалась?

– Даже не знаю. Наверное, поругалась. Я не кричала, ни- чего такого, но такого ей наговорила... – Ира схватилась за голову. – Сама не знаю, что на меня нашло...

– А правильно и сделала! – Алексей прижал к себе жену. – Давно пора было. Если бы я знал, что здесь все так запущено! Почему мне ничего не рассказывала? Я бы давно порядок навел.

– Расстраивать не хотела.

– А тебя, значит, расстраивать можно? Глупо же, Ириш?

– Глупо...

– Ладно! Будем дальше решать проблемы по мере их по- ступления. А теперь, давай спать. У нас еще пару часиков точно есть.

Спустя полгода на площадке гуляли Вера с Ириной и дети.

– Мама, смотри! Смотри, он топает! Сам!

Ирина рассмеялась и схватилась за телефон. Включив ка- меру, она стала снимать, как близнецы один за другим топа-

ют за Катей по площадке, смешно переставляя пухлые ножки.

– Все! Теперь держись, мать! Спокойное время твое закончилось! – Вера рассмеялась, глядя, как мальчишки один за другим шлепнулись на попу и хохочут.

– А оно у меня было?

– Теперь поймешь, что было! – Вера протянула Ире стаканчик с утренним кофе. – Как дела-то, вообще? Две недели же не виделись. Потом расскажу, как мы съездили. Море, это, конечно, прекрасно, но с таким количеством детей – тот еще аттракцион. Как вы, Ир?

– А, хорошо! – Ирина улыбнулась. – Спокойно, Верочка. С некоторых пор я стала понимать, что это и есть счастье. Галина Михайловна подулась и перестала. Леша с ней разговаривал несколько раз. Приезжает теперь по звонку и помогает без претензий бесконечных. Ну, почти без претензий. – Ира усмехнулась. – Перевоспитывать ее поздно, да и не мне этим заниматься. Мне психолог хорошо объяснил, что делать в таких ситуациях и я теперь не боюсь ее разговоров. Да и с мамой отношения стали гораздо лучше. Я многое для себя поняла. Но, Вер!

– Что?

– Мне кажется, что я никогда не смогу отстаивать свои интересы, так как ты.

– А и не надо! У тебя они свои и отстаивать тебе их надо по-своему. Главное же результат? Ты больше не чувствуешь

себя никудышной матерью?

– Нет. Непутевой только слегка.

– Это нормально. Здоровая самокритика. Главное, что твои дети считают тебя самой лучшей мамой на свете!

– Сейчас перестанут! – Ирина сунула свой стаканчик в руки Вере и рванула к площадке. Вера рассмеялась, глядя, как Ирина пытается отобрать у близнецов соседскую кошку, которую они явно хотели продегустировать на вкус. Кошка орала, но терпела, близнецы голосили, а Ирина вытаскивала кошкин хвост изо рта то одного, то другого. Наконец, она отобрала бедное животное и выпустив ее подальше от детей, достала из сумки салфетки.

– А жизнь-то начинает играть новыми красками! – Ирина подмигнула подруге и пошла приводить в порядок детей.

Леночка

– Девочка, а что ты здесь делаешь? Где твоя мама? – Эля остановилась у лавочки во дворе, удивленно разглядывая ребенка.

Малышка сидела на скамейке совершенно одна. Все бы ничего, но на часах была уже половина одиннадцатого вечера, а на улице было совершенно темно.

– Что ты здесь делаешь? – Эля повторила вопрос и малышка подняла глаза, крепче прижав к себе тряпичную куклу.

– Маму жду! – бровки сошли к переносице, и девочка сердито шмыгнула носом.

– А где твоя мама?

– Я здесь. Что вы хотели?

Эля обернулась и увидела, как из-за куста шиповника, возле которого стояла лавочка, выходит молодая женщина в халатике и с веником в руке.

– Ничего не хотела. Просто удивилась, что ребенок один на улице в такое время.

– Я не одна! Я с мамой! – малышка возмущенно насупилась.

– Теперь я вижу! – Эля улыбнулась. – Хорошего вам вечера!

– И вам! – женщина устало кивнула и вернулась к работе.

Эля поднялась по ступенькам и открыв дверь в подъезд, оглянулась. Малышка баюкала свою куклу, что-то ей рассказывая и поглядывая в сторону мамы, которая тщательно обметала площадку перед подъездом. Только сейчас Эля заметила ведро, метлу и совок, которые лежали у лавочки. Странно... Она жила в этом доме почти месяц, но первый раз сегодня увидела уборщицу. Еще в тот день, когда она первый раз приехала посмотреть квартиру в этом доме, которую собиралась купить, Эля обратила внимание, что подъезд очень тщательно убран. Окна сверкали чистотой, на лестницах не было ни соринки.

– Очень чисто здесь.

– Да! – риэлтор, который боролся с замком, пытаясь открыть дверь в квартиру, тут же оживился. – Очень хорошая управляющая компания. Следят за домом.

Квартира Элю устроила, и она согласилась на сделку.

– Mamочка, очень светлая и просторная. Проемы широкие. Тебе будет удобно!

– А вам с Сережей и Митенькой?

– И нам тоже. Mamочка, четыре комнаты, как мы и хотели!

– Я рада, Эленька. А когда же переезд?

– Через недельку, мам. У меня сейчас завал на работе, да и Митя болеет. Вот как раз все успокоится и переедем.

Эля не стала говорить матери, что в квартире еще придется провести кое-какие переделки. Коляска, на которой передвигалась Вера Ильинична, была, конечно, очень компакт-

ной, но в двери новой квартиры проходила бы все равно с трудом. Недели хватит, чтобы расширить проемы и заменить двери там, где нужно. Благо, ремонт в квартире был сделан совсем недавно, и бывшие хозяева рассказали Эле, где заказывали двери и мебель.

– Главное, мамочка, я совсем забыла! Там есть пандусы! Дом новый, все оборудовано. И замечательный зеленый дворик. Ты сможешь гулять!

– Эленька, давай мы не будем загадывать пока, хорошо? Нам бы переехать!

Эля вздохнула. Ну нет, так нет. Настаивать все равно бесполезно. Хорошо, что в новой квартире две прекрасных просторных лоджии. На одной придется сделать зимний сад, чтобы маме было где гулять. Жаль только, что ухаживать за цветами она совершенно не умеет. Кроме чахлого кактуса, который каким-то мистическим образом выживал у ее компьютера уже десятый год, ни один цветок, посаженный в горшок, не продержался рядом с Элей и пары недель.

– Карма у меня такая! Губит все живое на корню! – Эля огорченно выбрасывала в мусорное ведро очередной подарок от неугомонной Нинки, своей самой близкой подружки. – Ты зачем опять мне цветок приволокла?

– Пытаюсь наладить твою карму! – хохотала Нинка. – Я, конечно, тот еще цветочек, но меня же она пока не сгубила? Значит, не все потеряно!

– Нина! У меня уже пять дежурных горшков и ни одного

растения в них! Хватит издеваться над культурными посадками, а?

– Точно! Надо притащить тебе что-то дикое! То, что в природе выживает и тебя вынесет! – продолжала смеяться Нинка и Эля, махнув рукой, присоединялась к подруге.

Эля вдруг так ясно представила себе зеленые растения и довольную маму, что решила, саду – быть. Пусть и стоять это будет ее усилий. И если не сама, то придется кого-то искать. Есть же люди, которые умеют этим заниматься?

Вера Ильинична ходить перестала не сразу. Долгая и мучительная болезнь свела на нет все усилия Эли сохранить здоровье маме. Чего только они не перепробовали: клиники, реабилитация, санатории – все без толку. Год назад Вера Ильинична слегла и только забота близких смогла вернуть ей вкус к жизни. Почти месяц ушел у Эли на то, чтобы уговорить маму сесть в коляску, которая давала хоть какой-то вариант движения. Помог Митя. Играя с бабушкой в шахматы он несколько раз к ряду будто случайно перевернул доску и возмущенно заявил:

– Бабушка! Так неудобно! Лучше бы мы с тобой играли за столом! А то и доска нормально не стоит, и ты поле не видишь. Получается, что ты мне поддаешься, а это же неправильно?!

Вера Ильинична обожала внука и любое его желание было для нее сродни закону. Уже через пару дней она могла высадить в коляске партию, а дальше пошло веселее. По дому

Вера Ильинична передвигалась теперь без проблем и даже пыталась что-то готовить на кухне, но на улицу выходить категорически отказывалась. Эля пыталась настоять, но мама расплакалась и разговоры на эту тему были прекращены.

Переезд состоялся, и Эля вздохнула спокойнее. Теперь до работы было пять минут неспешным шагом и в перерыв она могла сбегать домой, чтобы проверить маму.

– Совершенно лишние хлопоты, Элечка! Я вполне самостоятельная единица!

Как-то выходя из дома после такой «проверки» Эля снова увидела девчущку с лавочки.

– Привет!

Девочка с любопытством разглядывала ее, стоя у приоткрытой двери в соседнюю квартиру, но молчала.

– Как тебя зовут? – Эля нажала кнопку лифта и улыбнулась малышке.

– Я с незнакомыми не разговариваю! – девочка сдвинула брови, но потом неожиданно улыбнулась.

– Вспомнила меня? – Эля подмигнула.

Девчущка кивнула и оглянулась на дверь.

– Маму ждешь?

Снова кивок. Дверь открылась и уже знакомая молодая женщина вышла, на ходу застегивая куртку.

– Леночка, с кем ты... Здравствуйте!

– Здравствуйте! А мы, оказывается соседи?

– Да.

– Так будем знакомы. Я – Эльвира. Можно просто Эля. Живу теперь вот в этой квартире с мамой, мужем Сергеем и сыном Дмитрием.

– А я – Елизавета. Можно просто Лиза. Моя дочь – Леночка. – Лиза на секунду запнулась. – Живем мы вдвоем.

– Вот и познакомились! Леночка, теперь ты можешь со мной разговаривать?

Девчушка застенчиво кивнула и спрятала лицо в ладошках, лукаво поглядывая на Элю.

Они спустились на первый этаж, и Лиза повернула к двери, ведущей в подсобку.

– Мы идем работать! – Леночка фыркнула и помахала рукой Эле.

Остаток дня Эля то и дело ловила себя на том, что улыбается, вспоминая смешно сморщенный нос и «суровые» бровки Леночки.

Забавная девица! Эля подумала, что нужно будет познакомить Митю с Леночкой. До школы всего ничего, и они с Сергеем решили не отдавать Митю в садик. Вера Ильинична сама готовила внука к школе.

– Иногда мне кажется, что с целым классом работать гораздо проще было, чем с тобой одним! – смеялась Вера Ильинична, разглядывая каракули внука. – Твоей будущей учительнице придется пройти курсы дешифровки. Это совершенно незнакомая письменность!

– Как у инопланетян? – Митя хохотал, глядя, как бабушка

пытается понять, что же он написал в прописях.

– Хуже! Они бы тоже ничего здесь не поняли!

Отсмеявшись, они усаживались рядом, и Митя старательно выводил буквы, пытаясь сделать все так, как велела бабушка.

– С почерком мы еще разберемся, а вот читаешь ты уже гораздо лучше! – Вера Ильинична целовала макушку внука.

Вечером после работы, Эля зашла в контору управляющей компании, чтобы отдать последние справки и переоформить квитанции на себя.

– О, так вы в семьдесят восьмую въехали? – улыбчивая и говорливая сотрудница ловко подшивала в папку документы.

– Да.

– С Лизкой соседями будете.

– С кем? – Эля не сразу поняла о ком речь. – А, с Елизаветой?

– Елизаветой! – хмыкнула женщина и захлопнула папку. – Была она когда-то Елизаветой, а стала Лизкой! Вы замужем?

– Да.

– Вот и поосторожнее с ней! А то она у нас девушка слишком уж общительная!

Эля промолчала и выйдя из конторы поймала себя на мысли, что ей хочется вымыть руки. Вроде бы ничего особенного сказано не было, но ей почему-то было очень противно. Она не терпела сплетен и всегда злилась, когда кто-то пытался

«ввести ее в курс дела».

– Я не деловая! – говорила она Нинке, которая тут же начинала смеяться.

– Как не женщина, ей Богу! Что ж может быть слаще свежей сплетни?

– Нин, ну одно дело, когда мы Светке моем кости, разглядывая ее новое леопардовое платье и сапоги на метровых каблуках, а другое, когда про человека говорят гадости!

– Гадости – это неинтересно! Прямо все святые, ага! А вот платье – это да! Ты бы видела, в чем она на встречу выпускников пришла! Даже в самые смелые свои времена такое мини она себе не позволяла!

Эля хохотала до слез, глядя, как Нинка изображает общую их одноклассницу и думала о том, какое же счастье, что есть рядом человек, который не только понимает, но и разделяет твои взгляды.

Историю Лизы она узнала случайно спустя буквально пару дней. Новый ремонт оказался не совсем качественным и как-то утром Элю сорвал с работы звонок соседки:

– Вы нас заливаете!

Эля сдала норматив по бегу и уже через пару минут была дома.

– Мама!

– Элечка, не волнуйся, я перекрыла воду!

Эля, пытаясь отдышаться, полезла под раковину, справедливо решив, что Сергею звонить не стоит, быстрее будет вы-

звать сантехника.

– Кажется это фильтр потек. Но, пусть лучше специалист посмотрит.

Соседка снизу оказалась милейшей женщиной, которая и не подумала поднимать скандал.

– Я, конечно, слегка понервничала, ведь капало весьма бодро поначалу. А сейчас это всего лишь мокрое пятно. Высохнет и все.

– Давайте мы посмотрим, хорошо? Если будет заметно, я оплачу ремонт потолка.

– Деточка, я думаю, вам есть куда девать ваши миллионы! – хохотнула соседка, Мария Петровна. – А моему потолку уже ничего не поможет. Сын обещал мне капитальный ремонт через пару месяцев, вот тогда я вам и отомщу страшно! Будут у меня тут гудеть и тарыхтеть как минимум пару месяцев.

– Да ради Бога! Лишь бы не по ночам! – Эля улыбнулась.

– Ну что вы! Я не настолько мстительна!

Они разговорились и Эля получила общую информацию обо всех соседях, с которыми не успела пока познакомиться.

– И, наконец, Лиза. Замечательная девочка! Я хорошо знала ее маму, мы дружили. Жаль, что ушла так рано.

– А что случилось? Она болела?

– Инфаркт. Скорая не успела. Никогда не жаловалась на сердце. Но, стрессы такого масштаба, как пришлось пережить ей, не проходят бесследно. – Мария Петровна помол-

чала, а потом махнула рукой. – Все равно узнаете. Лучше я расскажу, чем кто-то гадостей наговорит про Лизу.

– Уже!

– Что уже? – испуганно спросила Мария Петровна.

– Я получила предупреждение от бухгалтера нашей управляющей компании, когда ходила на днях туда оформлять документы.

– Вот, язва! Никогда не умела держать язык за зубами! И что же она вам наговорила?

– Сказала, чтобы я присматривала за своим мужем.

Мария Петровна охнула и ругнулась, тут же хлопнув себя по губам рукой.

– Простите! Сорвалась! Элечка, прошу вас, не верьте этим глупостям. Порядочнее Лизы нужно еще поискать.

– Мария Петровна, я никогда не верю людям на слово, предпочитая составлять собственное мнение о чем бы то ни было. Или о ком бы то ни было.

– И правильно! – закивала Мария Петровна. – Лизочка – замечательный человек! Досталось ей по жизни, это – да! Но, с каким достоинством она все это вынесла! И до сих пор несет. Не всякому это дано. И девочку свою воспитывает прекрасно! Это единственный ребенок во дворе, который здоровается всегда.

Эля улыбнулась, вспомнив Леночку, но тут же сделала себе зарубку на память, что нужно поговорить с Митей. Хорошие манеры лишними не бывают.

– Многие презрительно поглядывают на Лизу, зная ее историю и как ей приходится сейчас зарабатывать на жизнь. Но, пусть их по той дороге, которую прошла эта девочка – вряд ли они хоть пару шагов по ней бы сделали не упав в грязь. А Лизу эта грязь не коснулась. Как была чистой, так и осталась. Лиза ведь была всегда умницей-красавицей. Отличница! Мамина гордость! Отца ее не стало, когда Лизе только-только четырнадцать исполнилось. Золотой ребенок! И сама не сломалась и мать подняла после такого горя. Инна, мать Лизы, все мечтала, что дочка врачом станет. Деньги собирала, чтобы оплатить девочке учебу в хорошем вузе, если вдруг не получится поступить самой.

– А почему? Ведь отличницей была?

– Да. Только очень уж переживала всегда на контрольных. До обмороков дело доходило, так волновалась. К девятому классу легче стало, но все равно Инна переживала, мало ли. Лиза сутками над учебниками сидела, понимая, что на репетиторов денег нет особо. Другие девчонки по танцулькам бегали, а она училась. Ребята на нее особо внимания никогда не обращали. Она какая-то нескладная подростком была. Высокая, но стеснялась роста и сутулилась постоянно. Волосы длинные, красивые, но прятала их то в косу, то в гульку. А потом как-то резко, буквально за лето расцвела, похорошела и кавалеры забегали. Только ей не до того было. Девятый класс, самое время думать, что дальше делать. Инна посоветовалась кое с кем и решили они с Лизой, что нужно

поступать в медицинский колледж. Оттуда и в университет проще, и, если что, профессия уже в руках будет. Лиза стала готовиться. А тут как назло, нарисовался у нее ухажер. Ну как, нарисовался... Она его не замечала, а он за ней упорно бегал. Под подъездом караулил, до дома провожал. У Лизы подруг особо не было. Ближе всего дружила она с Олей, дочкой того самого бухгалтера из нашей конторы. Вот Оля ее и позвала на свой день рождения. Первый раз пригласила, до этого ни разу не звала, хоть и подружкой считала. Лиза не хотела идти, но мать уговорила. Инна переживала, что девочка все в учебниках закопавшись сидит, а ни друзей, ни подружек, слишком уж серьезная. Это потом уже мы узнали, что парень этот Олечке денег дал и много, за то, чтобы она ему встречу с Лизой устроила таким образом. В общем, случилась там беда. Лиза домой пришла уже под утро, вся избитая, ну и... Как потом оказалось, родители Олины на дачу уехали с ночевкой в тот вечер. Ребята погуляли, а ближе к ночи Ольга всех разогнала, и сама ушла к подружке ночевать. Что уж он там с Лизой делал в запертой квартире – это только следователь знает. Только в больнице она потом почти месяц провела. Вышла уже не цветочком, а сухоцветом. Как выжали всю жизнь из ребенка. Ведь ребенок же совсем была. Только-только шестнадцать исполнилось. – Мария Петровна вытерла глаза и продолжила. – Инна совсем себя тогда потеряла. Так переживала, так нервничала! А когда узнала, что Лиза ребенка ждет, так и вовсе чуть ума не лишилась.

Но, вовремя себя в руки взяла, понимала, что дочь без нее не справится. Сначала хотели они прервать, да врачи отсоветовали. Все-таки возраст, да и здоровье не то. И Лиза сама передумала. Сказала, что ребенок ни в чем не виноват.

– Так это Леночка? – ахнула Эля.

– Да. И знаешь, Элечка, вот правду говорят, что небеса все видят и решают по-своему. Она ведь только на мать похожа. От этого... ничегошеньки не взяла.

– Его наказали?

– Да. Над тобой Михаил Александрович живет. Очень хороший адвокат. Он Лизиными делами занимался. И в суд с ней ходил и после того, как Инны не стало – помогал. Инна ведь держалась. Все суды прошла с дочкой, внучку приняла на руки, но все сказалось. Леночке еще и двух не было, когда не стало Инночки. Лизе очень сложно было. Ведь кроме матери ее всего несколько человек поддерживали. Остальные точно с ума сошли. Все твердили, что она сама виновата. В чем только? Что чистой была? Наивной? Что зла не знала? – Мария Петровна снова вытерла слезы. – Так что, Элечка, ничего плохого не слушай о ней! Вот как есть я тебе все рассказала.

– А почему Лиза работает уборщицей?

– А это у нее вторая работа. Она ведь колледж закончила все-таки. Работает теперь медсестрой в поликлинике у нас. Так что, если маме нужны будут уколы или что еще – обращайся. Ей лишняя копеечка, а маме твоей – хорошо. Лиза

замечательно уколы делает. Рука легкая. Ей бы доучиться и замечательный бы врач вышел. Но, она одна, помощи нет, вот и крутится, как может. Гордая очень, жизнь научила. Помощь не принимает, старается сама справляться.

– Спасибо, буду иметь в виду!

Случай представился очень скоро. Очередной курс лечения вылился в настоящую проблему. Эле предстояла командировка, Сергей уехал по делам и возить Веру Ильиничну в поликлинику было некому.

– Ничего страшного! Отложим на время!

– Мамочка, это нельзя откладывать! – Эля накинула кардиган и взяла ключи с тумбочки в прихожей. – Я быстро!

– Куда ты?

– Попытаюсь раздобыть тебе квалифицированную медпомощь! – улыбнулась Эля матери.

Лиза согласилась сразу же.

– Конечно. Назначения есть?

– Все есть. Спасибо вам!

– Можно на «ты». К чему церемонии между соседями? Все сделаю в лучшем виде. Вашей маме понравится. – Лиза вдруг улыбнулась и Эля поняла, что имела в виду Мария Петровна, говоря о том, что Лиза «чистый ребенок». В этой улыбке было столько тепла, что Эля поразились. Как может человек, пройдя через такие трудности в своей жизни, сохранить в себе такой свет?

Приехав через неделю из командировки, Эля припарко-

вала машину и собралась уже было подниматься в квартиру, как вдруг услышала:

– Эленька!

Вера Ильинична махала рукой дочери, сидя под кустом жасмина, растущем во дворе.

– Мамочка! А как ты...

– Это все Лизонька! Уговорила меня. Мы уже третий день гуляем. Так хорошо, Элечка!

Эля растерялась. Сколько она уговаривала маму, и ни в какую та не соглашалась, а тут всего несколько дней и такой результат. Она покрутила головой по сторонам и увидела Митю с Леночкой, которые качались на качелях и Лизу, убирающую двор. Подойдя к ней, Эля поздоровалась.

– Лиза, вам и в самом деле нужно быть врачом! Вы умеете лечить даже словом! Я маму никак не могла уговорить на прогулку. А что будет, если дать вам возможность врачевать?

– Я бы с радостью! Но, у меня нет возможности учиться дальше. Нужно работать, да и Леночку оставить не с кем. Скоро в школу. Так я хотя бы рядом.

Эля задумалась.

– Лиза... Выслушайте меня. И очень прошу, не отказывайтесь сразу. Иногда нужно немного отодвинуть в сторонку гордость и принять помощь. Я это точно знаю, потому, что мне помогали так, когда заболела мама. Тогда я не могла за ней ухаживать, потому, что потеряла второго ребенка и долго лежала в больнице. Моя подруга, Нина, взяла на себя все

хлопоты.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– А вот зачем. Лиза, что если я предложу вам бартер?

– Как это?

– Вы помогаете мне с мамой, когда это необходимо, а мы поможем вам доучиться? Присмотрим за Леночкой. Моя мама педагог со стажем и ей это будет только в радость. Она очень страдает от того, что нечем заняться. Мити ей мало. – Эля улыбнулась, а Лиза задумалась. – Думайте, Лиза и не отказывайтесь сразу. Я понимаю, что мы мало знакомы, но... просто подумайте.

Погода спусть.

– Где они, Элечка?

– Вон, мам, самые крайние стоят. Хотя их за букетами и не видно! – Эля улыбнулась и повернулась к Лизе. – Леночка сама выбирала?

– Молчи, грусть! – рассмеялась в ответ Лиза. – Вцепилась в этот и не отдала. Он чуть не с нее ростом! Как она только его держит? Даже у меня рука устала!

– Пусть помается! Может поймет, что школа это не курорт! – хохотнула Вера Ильинична. – Хотя, Леночке учиться будет куда как проще, чем Мите. И усидчивее, и соображает быстрее. Вся в маму. Скоро, Лизавета, дочь твоя будет пятерок получать гораздо больше тебя, а?

– Хоть бы! – Лиза сжала легонько руку Веры Ильиничны.

– Придется тебе, матушка, подтянуться, чтобы не стыдно

было ребенку зачетку показать! – Вера Ильинична улыбнулась. – Хорошо, что в один класс идут, мне легче будет с ними заниматься.

Линейка закончилась, и детвора потянулась к входу в школу. Глядя, как сосредоточенно поднимаются по ступенькам малыши, Вера Ильинична тихонько перекрестила их.

– В добрый путь, мои дорогие! Пусть вам будет интересно!

Сбрось скорость перед поворотом

– Да, мама, была. Врач сказал, что заключение будет позже. Ты извини, я за рулем. Да, целую, наберу позже!

Лера отбросила телефон на соседнее сиденье и, сдерживая слезы, стала искать, где можно остановиться. Впереди показалась парковка крупного супермаркета. Лера свернула и припарковалась в самом конце парковки. Уронив голову на руль, она дала волю слезам. Выла в голос, по-бабьи, с причинениями, тоской и злостью. Злость была на себя, на судьбу, на то, что так несправедливо, отчаянно неправильно сложилась жизнь.

Лерочка родилась в начале девяностых. Родители не планировали ребенка, понимая, как тяжело будет его поднять. Мама – медсестра, папа – водитель, бывший каскадер, после травмы ушедший на более спокойную работу. Жили очень скромно. Но, появившаяся девочка не стала ни разочарованием, ни обузой. Напротив, отец, взяв ее на руки, удивленно сказал:

– Моя! Представляешь, Ленка, моя дочка! Вся, от пяток до макушки!

– Конечно, твоя! – рассмеялась жена. – Надо мной все в роддоме смеялись, что свет еще не видел больше похожей на отца дочери, потому, что от меня там ноль вообще!

Олег качал на руках малышку и разглядывал ее личико.

– Даже не на меня, на бабушку похожа.

– Так это же хорошо! Красавицей будет! – Лена видела фото бабушки Олега, актрисы местного театра. Бесподобной красоты была женщина. Лена ее не знала, той не стало раньше, чем они познакомились с Олегом.

Девочка и правда росла красавицей. Да еще и умницей. Как-то сложилось, что Лера всегда была ближе к отцу, хотя с мамой отношения были хорошими, ровными. С папой же было все легко. Олег быстро разглядел, что дочка у него не кисейная барышня и, в очередной раз снимая ее с дерева во дворе, где та носилась с соседскими мальчишками или переплывая на спор речку, которая текла недалеко от дома, говорил:

– Когда мамка тебя носила, я пацана хотел. Надо было мне быть осторожнее с желаниями.

Лера только смеялась в ответ. С папой ей все было интересно и в радость. Когда он в десять лет посадил ее первый раз за руль на сельской дороге, ведущей вдоль поля, мама возмутилась:

– Ты что, Олег! Она же девочка! Да, до педалей толком не достает даже!

– Ничего, подрастет – достанет. Пусть потихоньку учится, мне спокойнее будет.

Они на пару с отцом пропадали в гараже, и Лера могла уже в четырнадцать перебрать двигатель их старенькой машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.